

УДК 343.9

*А. Н. Игнатов***СТРАСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
МОТИВА НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

В последнее время юристами и психологами всё чаще ставится вопрос о соотношении основных биологических и социальных факторов детерминации преступного поведения. Лишь сравнительно недавно медики, биологи и физиологи вместе с представителями других наук (этологами, сексопатологами и т. д.) стали все более открыто заявлять о взаимосвязи психологических, биофизиологических и даже духовных факторов детерминации преступного поведения. В настоящее время благодаря эффективной междисциплинарной интеграции криминологии с физиологией, психиатрией, психологией, антропологией и культурологией и другими науками зарождаются новые подходы к объяснению преступленного поведения и его мотивации.

Изучение сущности, структуры, иерархии преступных мотивов, их специфики в целом и их характерных особенностей относительно насильственных преступлений чрезвычайно важно для эффективного противодействия преступности. Злободневность проблемы указывает на то, что знание мотивации и особенностей потребностно-мотивационной сферы во взаимосвязи с феноменологией жизненного пути и жизненных установок реального и потенциального преступника, а также, что немаловажно, его жертвы позволит обеспечить на индивидуальном уровне адресную целенаправленность и дифференцированность соответствующих мер превенции.

Наиболее полно категория мотива раскрывается в психологии — науке о поведении человека и его внутренней психической реальности. Проблеме мотивации как фундаментальной категории психологии посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых: В. Г. Асеева, Дж. Аткинсона, Л. И. Божович, В. К. Вилюнаса, В. И. Ковалева, В. И. Иванникова, К. Левина, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, М. Ш. Магомед-Эминова, К. Мадсена, В. С. Мерлина, В. И. Селиванова, П. В. Си-

монова, Б. Скиннера, В. А. Терентьева, Д. Н. Узнадзе, А. А. Файзуллаева, З. Фрейда, Х. Хекхаузена, Г. Холла, В. Д. Шадрикова, П. М. Якобсона и др. Однако мотивация насильственного преступного поведения по-прежнему остается одной из наиболее сложных и наименее изученных проблем.

На уровне конкретно-научного анализа, изучения мотивов и мотивации как структурных составляющих личности проблема подробно рассмотрена в трудах таких отечественных и зарубежных авторов, как А. Адлер, Г. Айзенк, С. Гроф, Е. П. Ильин, И. В. Имедадзе, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, А. Маслоу, Г. Мюррей, Г. Оллпорт, В. Ф. Петренко, С. Л. Рубинштейн, Л. Сонди, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Ш. Н. Чхартишвили, Э. Эриксон, К. Г. Юнг и др. Содержание большинства концепций сводится к мнению о том, что мотивы аккумулируют различные аспекты и уровни психики и личности, являясь своеобразными индикаторами-показателями ее значимых характеристик, так называемых «строительных блоков» субъективной психической реальности человека.

На специально-предметном уровне анализа проблемы изучением различных аспектов мотивации и мотивов преступного поведения и мотивации совершения насильственных преступлений занимались такие ученые, как Ю. М. Антонян, В. Б. Голицын, П. А. Ковалев, В. Н. Кудрявцев, Л. В. Кондратюк, В. В. Лунеев, А. В. Петровский, А. А. Реан, А. В. Савченко, С. А. Тарарухин, В. Д. Филимонов и другие. В западной и американской социологии, психологии, антропологии и психиатрии аспект преступной мотивации разрабатывался в трудах А. Адлера, Л. Бековитца, А. Бандуры, Э. Берна, Р. Блэкборна, К. Бартола, С. Грофа, Д. Джиллигена, К. Лоренца, В. Магдауголла, Л. Сонди, Ф. Патаки, Э. Фромма, З. Фрейда, К. Г. Юнга и др.

Теоретико-методологический анализ основных положений вышеперечисленных авторских концепций позволяет сделать вывод, что именно понимание мотивации как процесса актуализации какого-либо мотива и его функционирования позволяет, на наш взгляд, наиболее глубоко изучить субъективную основу преступного поведения человека и механизмы его реализации в целом и насильственного преступного поведения в частности.

Таким образом, целью данной статьи является осуществление анализа структуры и содержания мотивации насильственного преступного поведения и выявление фундаментальной составляющей мотива данного вида поведения.

Мотивация совершения преступления, особенно насильственного, многогранна и полисемантична, однако подчас лишь один из мотивов способен «перевесить» в сторону совершения противоправных действий. Отсюда следует фундаментальный вывод: лишь глубокий и системный анализ сущности человека как сложного биосоциального существа способен вскрыть и объяснить внутреннюю сущность преступле-

ния и его центральную составляющую — мотивацию преступника. Фактически сущность мотива человеческого поведения состоит в том, что он одновременно является побуждением, вызывающим активность организма и определяющим её направленность, и субъективным отражением потребностей, обусловленным состоянием человека (в том числе и степенью удовлетворения самих потребностей) и сложившейся конкретной жизненной ситуацией. Именно на эти его функции и особенности указывают большинство специалистов по психологии мотивации [1–3].

Именно невозможность удовлетворить или недостаточная удовлетворенность различных потребностей человека обуславливают возникновение у него чувства неполноценности (исключительности). Отсюда, наряду с актуализированной необходимостью удовлетворения соответствующей потребности (потребностей), в сознании человека возникает и закрепляется установка на восстановление своего социального статуса — потребности в утверждении и (или) самоутверждении.

Таким образом, мы можем утверждать о двух базовых мотивах насильственного преступного поведения: утверждение индивида в социуме вообще (в большой социальной группе) и, что еще более важно, в референтной ему малой социальной группе. Второй мотив — мотив самоутверждения, то есть удовлетворение потребности быть значимым для самого себя (в собственных «глазах»). Как известно из научной и теологической литературы [4–6], чрезмерное утверждение и самоутверждение, усиливающееся описываемым ниже комплексом неполноценности (власти), является по своей структуре и содержанию аналогом гордыни (гордости) — деструктивной силы, актуализирующей негативный биопсихологический потенциал и уничтожающей добродетельное начало в человеке. Мотивы самоутверждения в социуме и в «собственных глазах» — это фактически страсти тщеславия, самолюбия и славолубия [6–10], находящие благодаря «руководящей роли» гордости свое внешнее выражение в совершении насилия. Непосредственно реализации этих мотивов предшествует актуализация в эмоционально-чувственной сфере психики преступника особых психоэмоциональных состояний: гнева, зависти, уныния, страха, именуемых в христианско-антропологическом [11], экзистенциально-психологическом [4; 12], глубинно-психологическом [3; 12–15] и криминолого-антропологическом учениях [5; 6] как страсти или влечения.

Однако, как уже отмечалось, мотивация преступленного поведения многогранна, но подчас лишь один из мотивов способен «перевесить» в сторону совершения противоправных действий. Более того, от того, каков этот доминирующий мотив, зависит и характер самого преступного деяния.

Следует подчеркнуть, что задолго до появления в науке категории мотива и мотивации у многих ученых издавна имелись для объяснения данного феномена сходные по семантике понятия. Одно из таковых, нередко употребляемое в научных дискурсах, — понятие страсти.

Обращаясь к дефиниции «страсть», в толковом словаре В. Даля встречаем синонимы: страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска. Содержательная сторона данного понятия выражается и в том, что «страсть, душевный порыв к чему, нравственная жажда, алчба, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье» [16, с. 576]. Исходя из этимологии понятия страсти, можно сделать вывод, что отличительная черта данного феномена — высокая побудительно-направляющая сила, приводящая как к удовольствию, так и к страданиям.

Данное положение имеет принципиальное в рамках данной работы значение. Исток силы страстей, приводящей к удовольствию и (или) к страданиям, по нашему убеждению, лежит в неудовлетворенных потребностях человека. Удовлетворение (субъективное восприятие данной возможности) таких потребностей — источник удовольствия, невозможность их удовлетворения (ее субъективное восприятие) — источник страданий. При этом возможны различного рода метаморфозы и цикличность — удовлетворение приводит к неудовлетворенности, удовольствие к страданию и наоборот — страдание начинает приносить удовольствие (ярким примером служат преступления маньяков — серийных сексуальных убийц).

Попытаемся определить сущность страсти как основной объяснительной категории, проясняющей мотивы насильственных действий.

Для этого, на наш взгляд, целесообразнее всего в первую очередь обратиться к Святоотеческому наследию. «Надеюсь, нам уже хватает такта не удивляться тому, как похожи, или, по-ученому, комплиментарны, современные психологические или ноологические открытия и открытия тем мыслям, в которых столетия назад святыми отцами церкви был обобщен тысячелетний опыт душевного и духовного ведения человека» [6, с. 62].

В учениях святых отцов развитие страсти имеет свою структуру и ее описание идентично этапам формирования умысла на совершение преступного деяния. Вот как раскрывает этап, предшествующий совершению страстного деяния, преп. Феллофей Синайский: «Наперед бывает прилог (приражение) — действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена. Потом — сочетание (содвоение) — внимание скованно предметом, так что только и есть, что душа да предмет приразившийся и ее занявший; далее — сосложение — предмет, приразившийся и внимание занявший, возбудил желание, и душа согласилась на то и сослажилась; за сим — пленение — предмет взял в плен душу, возжелавшую ее и, как рабу, связанную, ведет к делу; наконец — страсть — болезнь души часты повторением (удовольствием одного и того же желания) и привычка к делам, коими удовлетворяется, вкачествовавшаяся в душе (ставшая чертой характера)» [7, с. 205]. Интерпретируя данное высказывание и выделяя в нем основной смысл, констатируем, что это не что иное, как описание посредством религиозно-богословского

дискурса внутреннего психологического алгоритма или динамики мотивации совершения преступления.

Известный монах Паисий Святгорец прямо указывал, что страсти — «это силы души... если мы не употребляем эти силы во благо... то они становятся страстями» [9, с. 19].

Интересно, что не только в перечисленных выше и давно ставших достоянием истории трудах богословов и философов-классиков прибегали к анализу страсти и греховности как категориям, обладающим глубокой гносеологической функцией. Их успешно использует для объяснения сложных интегративных психобиологических и духовных феноменов целая плеяда современных исследователей, считающих это понятие фундаментальным, предельно точным и методологически адекватным именно для прояснения и понимания тонкостей и нюансов мотивации совершения преступления.

Так американский криминолог Д. Хокинс отмечает, что «...дух соответствует жизни; сама энергия жизни может быть названа духом. Дух — это бытие, которое сопутствует и является проявлением жизненной энергии. ... Истинная сила тождественна жизни и духу, а насилие тождественно слабости и смерти. Если человек теряет или испытывает недостаток качеств, которые мы называем духовными, он лишается человечности, любви и самоуважения и становится эгоистичным и склонным к насилию» [17, с. 166].

Аппелируя к трудам Святоотеческого наследия, напрямую обращаясь к весьма подробно представленной в них классификации страстей и беря за методологическую основу собственной антропологической концепции совершения преступлений именно таковые, Л. В. Кондратюк отмечает, что «страсти как комплекс качественно определенных эмоционально-волевых «энергий» имеют свою структуру, параллельную и противостоящую структуре конструктивных «страстей» — высших проявлений духовности» Последние (добродетели) составляют своеобразную бинарную оппозицию и представлены такими личностными особенностями, как смирение и целомудрие, скромность и милосердие, любовь, надежда и вера, щедрость и справедливость [6, с. 61–62].

Таким образом, становится очевидным, что в психике (в особенности бессознательной ее части) человека с доминирующими личными интересами (эгоизм, самолюбие) глубинная основа и главная движущая сила страстей — гордость получает свое «свободное волеизъявление» и приходит в движение. В начале, на этапе возникновения преступного умысла у потенциального преступника в виде «прилога» (мыслеформы или мыслеобраза), возникает идея о возможности осуществления злодеяния. Как отмечает Св. Максим Исповедник, «когда человек замышляет злое, то совершает мысленный грех» [7, с. 180]. Получается, что у человека внутренне, в свернутом мысленном плане [18] совершившем преступление (в своем собственном сознании психической реальности («про себя»)), не говоря уже о имеющемся опыте реального совершения пре-

ступного деяния, накапливается готовность, то есть усиливается психологическая установка [2] на реализацию преступного деяния. Этот внутренний механизм известен в святоотеческой антропологии и глубинной психологии. Он довольно точно раскрывает динамику мотивации любого преступления. Внутренний (эндопсихический) образ злодеяния так же опасен, а потому и не проходит без последствий, как и реальное преступное деяние. Различие и духовно-психологический аспект угрозы последнего в том, что еще не совершенное злодеяние успешно подготавливает психологическую основу (почву), тем самым, актуализируя и усиливая мотивацию его непосредственного совершения.

Итак, следует согласиться с Л. В. Кондратьевым, что «топливом», энергетической базой преступного поведения являются «страсти», элементы духовного несовершенства человека, его когнитивных и эмоционально-волевых проявлений: гнев, гордость (гордыня), тщеславие, зависть, алчность, страх, чревоугодие, вожделение, апатия [6, с. 62–66].

Реализованные во внутренней психической реальности (тем более многократно), выше перечисленные страсти меняют и искажают духовно-нравственную подструктуру психики и личности. Они являются причиной и движущей силой своеобразного преобразования, весьма опасного для души человека — это ставший известным в науке благодаря трудам К. Г. Юнга [12; 15] таинственный феномен именуемый «метанойя». Метанойя (греч. *μετάνοια*, «перемена ума», «переосмысление») — термин, обозначающий перемену в восприятии фактов или явлений, обычно сопровождаемую сожалением. Доминирование страстей нивелирует добродетели. А последние как раз и выступают в роли «стражей» духовного и нравственно начала в человеке, спасая его от совершения преступлений. Как отмечает Паисий Святогорец, «если человек будет взращивать добродетели, то вырастут добродетели и заглушат страсти. Если будет возделывать страсти, то вырастут страсти и заглушат добродетели» [9, с. 148].

Закономерным выглядит и то, что сама специфика неудовлетворенной потребности может при сочетании определенных обстоятельств напрямую соответствовать доминированию в человеке конкретной страсти, а последняя в свою очередь определять своеобразие и специфику преступного поведения.

Последнее в свою очередь обуславливается тем, что «всякое деструктивное, имеющее социальный резонанс, действие, побуждаемое энергией, «топливом страстей», состоит из трех смыслонасыщенных элементов: агрессии, захвата и обмана» [6, с. 66]. При этом каждому из указанных фундаментальных оснований деструктивности человека «соответствуют» определенные страсти. Так, агрессию можно представить как социальную форму проявления энергии гнева, гордости и тщеславия; корыстный захват (экспансия) объединяет деструктивные силы зависти, алчности и страха; энергия чревоугодия (ненасытности) — страсти к чрезмерному, вожделению и психодуховной лени в социальной

сфере выражаются ложью (обманом) [6, с. 64–65]. Таким образом, страсти в самом преступном поведении материализуются в одной из следующих специфических форм: агрессии, экспансии (захвате) и обмане. При этом значимым является то, что эти указанные деструктивные основания (начала) поведения человека, а через них сами страсти способны реализоваться в преступном поведении в разном своем сочетании, при различной степени доминирования каждого из них.

С учетом указанного представляется возможным классифицировать большинство мотивов насильственных преступлений по методологическому критерию их принадлежности к одному из трех типов универсальной насильственной преступной мотивации. К числу первых отнесем преступления, основу глубинной мотивации которых составляет феномен агрессии. Вторые детерминированы потребностью удовлетворить экспансивные деструктивные побуждения (мотивы). Обман в свою очередь составляет психологическую основу для реализации третьего типа мотивации, обуславливающего совершение насильственного преступления.

Выводы. Мотив совершения насильственного преступления полисистемно представлен в целостной интегративной структуре биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих, преломившихся сквозь призму объективных и субъективных факторов: конкретной жизненной ситуации совершения преступления, особенности личности преступника и его жертвы.

Фундаментальной основой мотива насильственного преступного поведения является доминирующая страсть как центральная поликомпонентная составляющая личности преступника, опосредованная его жизненным стилем и актуальным эмоциональным состоянием. Мотивация насильственного преступления — это глубинная актуализация доминирующей страсти.

Для системного объяснения психологических аспектов мотивации совершения насильственных преступлений необходимо включать в контекст исследования более широкие по семантике и гносеологической функции методологические категории, опосредующие формирование мотива насильственных действий. В качестве таковых, прежде всего, представляют дальнейшую перспективу анализа такие дефиниции и понятия, как: страсть, влечение, центральный архетип личности, жизненный стиль личности, жизненный сценарий личности, жизненная установка личности.

Л и т е р а т у р а

1. Ильин Е. П. Мотив и мотивация / *Е. П. Ильин*. — СПб.: Питер, 2008. — 512 с.
2. Узнадзе Д. Н. Психология установки / *Д. Н. Узнадзе*. — СПб.: Питер, 2001. — 416 с.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / *З. Фрейд*; авт. очерка о Фрейде Ф. В. Бассин и М. Г. Ярошевский. — М.: Наука, 1991. — 456 с.

4. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер. — СПб., 1998. — 345 с.
5. Антонян Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. — М., 1996. — 476 с.
6. Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микркриминология) / Л. В. Кондратюк. — М.: НОРМА., 2001. — 344 с.
7. Добротолюбие. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Артос-Медиа, Неугасимая лампада, 2008. — 157 с.
8. Преп. Иоанн Лествичник. Лествица / Преп. Иоанн Лествичник. — Крема-торск: Изд-во ЗАО «Тираж-51», 2007. — 671 с.
9. Старец Паисий Святогорец. Слова. Т. 5. Страсти и добродетели / Старец Паисий Святогорец. — М.: Изд. дом «Святая гора». — 325 с.
10. Шиманский Г. И. Учение святых отцов о страстях и добродетелях / Г. И. Шиманский. — М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2006. — 672 с.
11. Братусь Б. С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии / Б. С. Братусь // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. — М.: Смысл, 1997. — С. 67–91.
12. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени: пер. с нем. / К. Г. Юнг; предисл. А. В. Брушлинского. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 336 с.
13. Лапланш Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланиш; пер. с фр. Н. С. Автономовой. — М.: Высш. шк., 1996. — 623 с.
14. Сонди Л. Учебник экспериментальной диагностики влечений. Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / Л. Сонди; [пер. с нем. В. И. Николаев]. — М.: Когито-Центр, 2005 — 557 с.
15. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее / [К. Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник та ін.]. — М.: Мартис, 1995. — 320 с.
16. Толковый словарь В. И. Даля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://slovardalja.net/word.php?wordid=39269/\(20.03.11\)](http://slovardalja.net/word.php?wordid=39269/(20.03.11)).
17. Хокинс Д. Сила vs Насилие. Скрытые мотивы человеческих поступков / Д. Хокинс. — СПб.: ИГ «Весь», 2010. — 304 с.
18. Гальперин П. Я. Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в детском мышлении / П. Я. Гальперин // Вопросы психологии. — 1966. — № 4. — С. 134.

А н н о т а ц и я

Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива насильственного преступного поведения. — Статья.

В статье осуществлен анализ проблемы мотивации насильственного преступного поведения в криминологическом и теологическом научном дискурсивном поле. В качестве основной единицы анализа мотивационной сферы личности преступника была выбрана категория страсти, рассматриваемая в структурах духовно-психобиологической сферы личности совершающего насильственное преступление. Раскрыта роль и функции страсти как глубинной основы мотивации насильственного преступного поведения.

Ключевые слова: мотив, мотивация, страсть, внутренний алгоритм динамики мотивации совершения преступления, насильственное поведение.

А н о т а ц і я

Ігнатов О. М. Пристрасть як фундаментальна складова мотиву насильницької злочинної поведінки. — Стаття.

У статті здійснено аналіз проблеми мотивації насильницької злочинної поведінки

в кримінологічно-психологічному і теологічному науковому дискурсивному полі. В якості основної одиниці аналізу мотиваційної сфери особистості злочинця була обрана категорія пристрасті, розглянута в структурах духовно-психобіологічної сфери особистості, що вчиняє насильницький злочин. Розкрито роль і функції пристрасті як глибинної основи мотивації насильницької злочинної поведінки.

Ключові слова: мотив, мотивація, пристрасть, внутрішній алгоритм динаміки мотивації вчинення злочину, насильницька поведінка.

S u m m a r y

***Ignatov A. N. Passion as fundamental constituent of reason of violent criminal behaviour.* — Article.**

In the article the analysis of problem of motivation of violent criminal behaviour is carried out in crime-psychological and the theology scientific discursive zone. As basic unit of analysis of motivational sphere of personality of criminal were the category of passion, examined in the structures of spiritual-psychobiological sphere of personality of accomplishing crime of violence, is chosen. A role and functions of passion are exposed as deep basis of motivation of violent criminal behaviour.

Keywords: reason, motivation, passion, internal algorithm of dynamics of motivation of commission of crime, violent behavior.